

ставительных учреждений эти настроения неминуемо набирали силу. И тогда «становилась неизбежной эскалация политической напряженности в стране, где к прежним неразрешенным противоречиям лишь присовокуплялись новые» (с. 499).

В.М. Шевырин

2012.03.014. БЕЛОВА И.Б. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ. 1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 г. / Под ред. Бордюгова Г.А. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с.

Ключевые слова: Первая мировая война; российская провинция; провинция и война.

В монографии, состоящей из введения, трех глав («Хозяйственно-экономическая жизнь провинции в годы войны», «Провинция и миграционные процессы в годы войны», «Общественно-политическая жизнь провинции во время войны»), заключения и приложений, на материалах Калужской и Орловской губерний рассматривается процесс перестройки всех сторон жизни страны на военный лад, освещается отношение основной массы населения провинции к центральной власти и оппозиции в годы Первой мировой войны.

Как отмечает автор монографии, война стала тяжелым испытанием для российской провинции, внеся изменения во все сферы ее жизни. Невиданная по масштабам война опровергла прогнозы политиков и военных о ее краткосрочности и потребовала мобилизации всех внутренних сил страны для ее ведения. Провинция обеспечивала армию необходимыми людскими, продовольственными, материально-техническими ресурсами в условиях нарастающего экономического кризиса, порожденного войной.

Мобилизационные мероприятия 1914 г. в Калужской и Орловской губерниях, как и по всей стране, прошли организованно, чему, по словам И.Б. Беловой, способствовал общий подъем патриотических настроений, вызванный вступлением России в вооруженное противоборство с Германией, объявившей ей войну. Проведение призывной кампании на местах обеспечивали местные управления по делам воинской повинности, которые тесно взаимодействовали с военным министерством. Ежегодно проводилось до восьми-девяти призывов. В общей сложности 48,1 и 47,4% мужчин

трудоспособного возраста было призвано из Калужской и Орловской губерний соответственно за военный период (при общероссийском показателе 47,4%).

Затяжной характер войны способствовал осознанию властью необходимости мобилизации экономики на военные нужды. Промышленные предприятия региона были вовлечены в производство вооружения, кустарное производство выполняло заказы интендантства на изготовление одежды, обуви, снаряжения. Созданные в губерниях военно-промышленные комитеты и земские комитеты по снабжению армии, получая оборонные заказы, размещали их на местных предприятиях и контролировали выполнение. С усугублением транспортного кризиса нарушались сроки поставок, необходимых для производства материалов, и соответственно – сроки выполнения заказов. Недоиспользование возможностей промышленных предприятий провинции по снабжению армии автор монографии связывает с возникшим дефицитом металла и топлива в стране.

Снабжение провинции продовольствием и предметами первой необходимости осуществлялось в период войны нерегулярно, по остаточному принципу. «Интенсивное развитие военных отраслей контрастировало со спадом производства товаров широкого спроса. Железнодорожному транспорту, сориентированному на первоочередное обеспечение нужд армии, не удавалось обеспечить необходимый объем перевозок гражданских грузов. Закупленное продовольствие и другие товары первой необходимости доставлялись на места с перебоями. Дефицит товаров рождал спекуляцию, цены росли. Местные производители – аграрии, поставлявшие хлеб для армии по установленным ценам, отказывались снабжать по тем же ценам городское население, ссылаясь на то, что цены на промышленные товары не регулировались и были непомерно высокими» (с. 222–223). Власти пытались сдерживать рост цен и боролись со спекуляцией. Органы местного самоуправления с первых дней войны занимались регулированием розничных цен на товары повседневного спроса путем установления такс. Административно-исполнительной властью пресекалась скупка, сокрытие и вывоз товаров с целью наживы, самовольное повышение цен. С 1916 г. местное самоуправление, получая средства от правительства, занималось закупкой, доставкой и реализацией продуктов и других товаров первой необходимости.

Расстройство транспортной системы, дефицит товаров первой необходимости и топлива не могли быть преодолены усилиями губернских властей, так как губернии являлись частью общей хозяйственной системы страны. В наибольшей степени страдали от дороговизны и частого отсутствия товаров первой необходимости городские жители с низким достатком, в том числе рабочие и беженцы. Рабочих промышленных предприятий ухудшение экономического положения толкало на забастовки. В результате им зачастую удавалось добиваться от работодателей полного или частичного удовлетворения своих требований по повышению заработной платы и улучшению продовольственного снабжения через заводские магазины.

Середина 1915 г., по словам автора, была отмечена массовым беженством. Калужская и Орловская губернии, оказавшись внутри беженского потока, общими усилиями организовали помощь следовавшим через их территории и приняли на жительство более 100 тыс. беженцев из западных губерний. До августа 1915 г. попечение о беженцах возлагалось на Всероссийские благотворительные организации, такие как Татьянинский комитет, Земский и Городской союзы. Законом от 30 августа 1915 г. основные функции по размещению и содержанию беженцев от благотворительных организаций перешли к земским и городским управлениям, финансируемым государством. Размещение беженцев было осуществлено совместными усилиями полиции, земских начальников, волостных и сельских должностных лиц и местных благотворительных обществ помощи беженцам. Органы местного самоуправления из государственных средств выплачивали всем беженцам (кроме состоятельных) регулярный продовольственный и квартирный паек. Другие нужды беженцев, предусмотренные законом, в том числе медицинская помощь, оплачивались из специального, «беженского», государственного кредита. Через год количество пайков было уменьшено на 25%, исходя из данных, представленных губерниями, о количестве нуждающихся в помощи беженцев. С октября 1916 г. пайки выдавались лишь половине беженцев, самым необеспеченным. Местные отделения всероссийских благотворительных организаций содержали приюты для сирот и престарелых, дешевые и бесплатные столовые, оплачивали учебу в гимназиях. Возникли также местные общества помощи беженцам. По словам

И.Б. Беловой, система попечения о беженцах, сложившаяся в тяжелое военное время, действовала до начала 1918 г., когда по инициативе новой власти были отменены казенные беженские пайки. По причине смены власти остались невыполненными и запланированные мероприятия по эвакуации и компенсации беженцам материальных потерь.

По мнению автора монографии, в провинции была организована и в течение всего военного периода успешно функционировала система помощи эвакуированным раненым и больным воинам. Кочная сеть лечебных учреждений, имевшаяся в провинции, была не в состоянии принять уже первые партии раненых, которых размещали в приспособленных помещениях, в том числе на частных квартирах. К январю 1915 г. в одних только губернских центрах (Калуге и Орле) количество мест в лечебных учреждениях возросло за счет вновь созданных госпиталей и лазаретов более чем в два раза по сравнению с общим количеством коек, имевшихся в губерниях к началу войны. Функционирование большинства госпиталей и лазаретов обеспечивалось практически в равном соотношении Военным ведомством и Союдами земств и городов. Кроме этого, в Калужской и Орловской губерниях 4,7 и 6,9% лечебных заведений соответственно содержалось исключительно на благотворительные средства, помимо этого, именные койки в госпиталях и лазаретах содержали частные лица, общества и учреждения. Духовенство оборудовало лазареты при церквях и монастырях. Губернский попечительный комитет о больных и раненых организовал и направлял культурную и просветительную деятельность среди раненых и больных. К июлю 1917 г. через все госпитали Калуги прошло 97 703 раненых, среди которых преобладали нижние чины. В Орловской губернии к январю 1917 г. только в госпиталях военного ведомства была оказана помощь 114,3 тыс. раненых.

Благотворительная деятельность, имевшая в России давние традиции, по мнению И.Б. Беловой, стала важной составляющей общественной жизни в течение всего военного периода. В провинции с началом войны вновь созданные всероссийские благотворительные организации открывали свои отделения. По инициативе общественных самоуправлений и частных лиц возникли благотворительные организации местного уровня. Все они занимались массовыми сборами пожертвований, используя такие формы, как кру-

жечные сборы, подписные листы, лотереи и базары, массовые культурно-просветительные и зрелищные мероприятия. Местная печать информировала жителей о датах проведения массовых благотворительных акций, сообщала об итогах, разъясняла, на что будут потрачены собранные средства, помещала на своих страницах благодарности жертвователям. Благотворители предоставляли помещения для размещения лечебных учреждений, вносили средства на содержание раненых, работали в качестве сестер милосердия, санитаров, волонтеров, проводников, сборщиков пожертвований, сельскохозяйственных рабочих трудовых дружин помощи семьям фронтовиков.

В период Первой мировой войны в Калужской и Орловской губерниях действовали социалистические, либеральные и консервативные партии. Большинство партийных отделений существовало в губерниях со времени 1905–1907 гг. К началу войны их численность сократилась. Нелегальные группы РСДРП насчитывали не более 10–20 человек каждая. Группы периодически распадались из-за преследования властей (наиболее активные призывались в армию, арестовывались, высылались). Социал-демократы скрытно вели агитационно-пропагандистскую работу в основном в рабочей среде. Однако большинство трудящихся, по мнению автора, не разделяло их революционных взглядов, считая военное время не подходящим для предъявления своих претензий к власти. Что касается отделений либеральных партий (кадетов и октябристов), то собственно их членов были единицы. Гораздо больше насчитывалось их сторонников. Быстро терявшие популярность правые партии, несмотря на наличие в них отдельных ярких представителей, не являлись силой, способной оказывать влияние на политическую ситуацию в провинции.

По словам автора, в период Первой мировой войны население провинции проявляло всеобщий интерес к ходу военных действий и просто к событиям, связанным с войной. «Фабрикой новостей» служили периодические печатные издания, тиражи которых значительно возросли. Вместе с тем «пресса оказывала влияние на общественные настроения провинции. Она ориентировала население на победоносное окончание войны, помощь армии и всем пострадавшим от военных бедствий, терпимое отношение к неизбежному ухудшению условий жизни. С другой стороны, пресса

освещала и комментировала деятельность Государственной думы, являвшейся очагом легальной оппозиции. Звучавшая с думской трибуны постоянная критика исполнительной власти в условиях непрекращающегося роста дороговизны и дефицита товаров первой необходимости способствовала распространению в обществе недовольства бессилием власти» (с. 172).

Открытая антиправительственная пропаганда думской оппозиции с широким использованием периодической печати осуществлялась в обстановке постоянно ухудшавшихся условий жизни в тыловых губерниях. Уже осенью 1915 г. губернаторы располагали агентурными данными о недовольстве трудящихся, преимущественно горожан, ростом цен, товарного дефицита, спекуляции. В итоге, как утверждает автор, оппозиционному большинству Государственной думы удалось поколебать доверие народа к царскому правительству, и к концу 1916 – началу 1917 г. широкие слои населения провинции в противостоянии центрального правительства и думской оппозиции были на стороне Государственной думы, с которой связывали скорейшее победоносное окончание войны и улучшение социально-политической и экономической ситуации в стране. Это в значительной степени обусловило всеобщее доверие новому правительству, сформированному думским временным комитетом после событий Февраля 1917 г. в Петрограде.

С.В. Беспалов

2012.03.015–016. АНТИКРЕСТЬЯНСКИЕ РЕПРЕССИИ В СССР 1920–1930-х годов. (Сводный реферат).

2012.03.015. СТЕПАНОВ М.Г. Отечественная историография антикрестьянских репрессий в СССР, (1929–1933 гг.). – Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский гос. Ун-т им. Н.Ф. Катанова», 2010. – 204 с.

2012.03.016. РАКОВ А.А. Социально-экономические аспекты «раскулачивания» крестьян Южного Урала, (1930–1934 гг.): Монография. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 196 с.

Ключевые слова: СССР, 1920–1930-е годы; раскулачивание; насильственная коллективизация.

Монография М.Г. Степанова (015), состоящая из введения, трех глав и заключения, посвящена анализу отечественной исторической литературы, в которой раскрываются различные аспекты